

— Смотри, это Линь Ци, феромон сосновой древесины. Он здесь почти год, наш самый старожил, — прошептал Ми Су. — Кажется, он отлично разбирается в фармакологии и иногда помогает молодому господину Линю с обработкой лекарственных трав.

Бай Цунъань оглядел этих Омег — таких разных, но всех как на подбор с яркой внешностью. Сомнения в его душе не только не рассеялись, но стали еще сильнее.

Следующие несколько дней Бай Цунъань обжился в восточном крыле этого огромного, словно поместье для скачек, особняка семьи Наньгун.

Жизнь текла спокойно, можно даже сказать... скучновато.

Большую часть времени он проводил, запершись в своей комнате, словно губка, впитывая знания из памяти прежнего владельца об этом мире и параллельно тайком выполняя базовые упражнения для восстановления физической формы.

Тело досталось ему никудышное: пробежит два шага — и задыхается. Бай Цунъань боялся, что однажды чихнет так сильно, что у него сломаются ребра.

Изредка он выходил проветриться и бродил по доступной части восточного крыла.

За несколько таких вылазок он успел познакомиться со своими соседями.

Ми Су, тот самый парнишка с кошачьими глазами и ароматом ландыша, оказался самым активным.

Похоже, он был полон любопытства к новичку и то и дело подкатывал с разговорами, пытаясь вывести что-то эдакое.

Бай Цунъань, проживший две жизни, был куда проницательнее, поэтому каждый раз мастерски уходил от ответов, зато сам вытянул из Ми Су немало обрывочных сведений об особняке и Наньгун Лине.

К примеру, Наньгун Линь действительно почти не показывался на глаза, его бытом занимались дворецкий и слуги, а свобода передвижения Омег из восточного крыла была ограничена лишь этим крылом и прилегающим коридором.

Западное крыло было абсолютной запретной зоной с электронными постами охраны и какими-то непонятными, но внушающими трепет защитными мерами. Однажды кто-то излишне любопытный попытался пробраться туда, но был оглушен электрошокером и прямо так, без сознания, выдворен из поместья — больше его никто не видел.

Или вот еще: Наньгун Линю иногда требовались образцы их феромонов. Говорили, для неких безобидных исследований. Забор проб всегда проходил по правилам, объемы были мизерными, и никакого дискомфорта это не вызывало.

Что именно он исследовал, никто не знал, да и спрашивать боялись.

Был еще паренек по имени А Цзюань с ароматом папоротника — кудрявый, как и намекало его имя, с характером мимозы, такой же застенчивый.

Его главной страстью было возиться с растениями в своей комнате, он берег их как зеницу ока. Однажды, проходя мимо его приоткрытой двери, Бай Цунъань мельком увидел, что внутри у него настоящий мини-сад, полный жизни.

Молчаливый Сяо Мо с ароматом снежного лотоса всегда был тих, с отрешенным взглядом, будто ни к чему не проявлял интереса. А самый загадочный из всех, Линь Ци, от которого пахло хвоей, всегда держался таинственно, вечно был пропитан запахом трав и, по слухам, знал медицину, из-за чего его иногда вызывали в главный корпус.

Атмосфера этого странного приюта для Омег вызывала у Бай Цунъаня все больше вопросов. Наньгун Линь — этот падший гений, о котором ходило столько слухов — чего он добивается? Действительно ли он просто из доброты приютил попавших в беду Омег? Или у него есть скрытые мотивы?

В тот день после обеда Бай Цунъань сидел в комнате, штудировав на экране основы военной теории этого мира, как вдруг снаружи раздался шум, в котором смешались испуганный возглас Ми Су и плачущие оправдания А Цзюаня.

Он нахмурился, отложил экран и вышел в коридор.

Там А Цзюань сидел на корточках перед разбитым горшком. Земля была рассыпана повсюду, а редкое растение с необычными серебристо-голубыми листьями было раздавлено прямо у корня и печально поникло среди осколков керамики.

У А Цзюаня покраснели глаза, плечи вздрагивали, а слезы катились по щекам, как жемчужины из порванной нити.

Рядом стоял незнакомый слуга с раздраженным видом:

— Сколько раз повторять, не выставляйте этот хлам в коридор, только мешаете! Ну вот, дождались, сами уронили, а теперь на кого валите?

Ми Су спорил с ним:

— Как ты разговариваешь? А Цзюань поставил горшок у стены, это ты его задел своей тележкой для уборки!

— Да с чего бы? Он сам плохо поставил! — слуга упрямо отрицал свою вину, ведя себя похамски.

Бай Цунъань присмотрелся к слуге — обычный Бета с неприятным лицом и бегающими глазами. Он сразу понял, в чем дело: тот просто решил воспользоваться мягкостью А Цзюаня и свалить вину на него.

А Цзюань только плакал, его маленькие руки дрожали, он хотел коснуться сломанного растения, но не решался, шепча:

— Лунный мох... я так долго его растил... теперь все пропало...

Растение на глазах теряло блеск, становясь серым и безжизненным в месте излома. Бай Цунъянь почувствовал, что в нем была какая-то слабая жизненная энергия, которая сейчас стремительно угасала.

Неизвестно почему, но вид убитого горем А Цзюаня и умирающего растения задел какую-то струну в душе Бай Цунъяня.

Может, это было эхо эмпатии прежнего владельца, а может, он сам, прожив две не самые легкие жизни, слишком остро чувствовал чужую беспомощность. Необъяснимый порыв захлестнул его.

Не раздумывая, он опустился на колени и осторожно накрыл ладонью место излома лунного мха.

— Эй, ты что делаешь? — Ми Су и слуга опешили.

А Цзюань поднял заплаканное лицо, растерянно глядя на Бай Цунъяня.

Сам Бай Цунъянь не знал, что делает. Он лишь инстинктивно чувствовал, что не может позволить растению погибнуть.

Он закрыл глаза, пытаясь уловить эту слабую искру жизни и передать ей нечто... неосязаемое, какую-то свою внутреннюю силу.

После перемещения в этот мир он не замечал за собой никаких сверхспособностей, кроме памяти.

Но сейчас от затылка потекло прохладное ощущение, которое устремилось вниз, к кончикам пальцев.

Случилось чудо.

На месте излома лунного мха, который уже начал сереть, вдруг пробилась слабая зелень, а затем, очень медленно, растение начало срастаться и оживать! Скорость была низкой, но оно определенно возвращалось к жизни.

Бай Цунъянь сам был в шоке. Он резко отдернул руку и, глядя на слабое свечение на кончиках пальцев, почувствовал, как внутри все перевернулось.

Неужели это и есть так называемая способность при дифференциации?

— О боже! — первым вскрикнул Ми Су, округлив свои кошачьи глаза. — Ты... ты это сделал! Оно... оно ожило?!

А Цзюань перестал плакать и, глупо хлопая глазами, смотрел то на восстанавливающийся мох, то на Бай Цунъяня, раскрыв рот от изумления.

Слуга, устроивший скандал, вовсе побледнел, словно увидел призрака, и заикаясь пробормотал:

— Ты... кто ты такой?

Бай Цунъянь быстро взял себя в руки. Он осознал, что случайно выдал нечто невероятное.

Подавив бурю в душе, он постарался придать лицу спокойное выражение и небрежно бросил:

— Ничего особенного. Просто знаю старый способ первой помощи для растений.

Отговорка была шита белыми нитками, но присутствующие были настолько ошеломлены увиденным, что никто не стал допытываться.

А Цзюань опомнился, взволнованно схватил Бай Цунъяня за руку и затараторил:

— Спасибо! Спасибо тебе, Бай Цунъянь! Ты спас лунный мох! Он... он очень важен для меня!

Глядя в глаза А Цзюаня, Бай Цунъянь испытал смешанные чувства.

Он собирался вести себя тихо, но, впрочем, не жалел о содеянном. Хотя, возможно, теперь у него будут неприятности.

— Пустяки, — он высвободил руку и похлопал А Цзюаня по плечу. — В следующий раз будь осторожнее, ставь горшок поустойчивее.

Он бросил взгляд на слугу, чье лицо постоянно менялось от страха к злобе. Бай Цунъянь ничего не сказал, но холод в его глазах заставил того вздрогнуть и, поджав хвост, поспешно укатить свою тележку прочь.

<http://bllate.org/book/19388/1896814>